

УДК 296.1

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.57.106>

Эндогамия как механизм поддержания групповой идентичности в еврейской традиции: религиоведческий анализ

А. К. Погасий*

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань,
Российская Федерация*

Аннотация. Анализируется с точки зрения религиоведения эндогамия как социокультурный механизм поддержания групповой идентичности в еврейской традиции. Цель исследования – определить, какие функции выполняла эндогамия в процессах этно- и культурогенеза евреев и каким образом она была связана с представлениями об избранности в библейской, раннеиудейской и раввинистической традициях. Методологическую основу составляют историко-критический анализ библейских текстов и других источников, сравнительно-исторический подход и теория этнических границ. Показано, что эндогамия в еврейской традиции не может интерпретироваться как подтверждение биологической исключительности или превосходства. Отмечается, что ее основная функция состояла в поддержании нормативных границ общины, сохранении культа, передаче закона, коллективной памяти и механизмов социальной солидарности. Понятие избранности рассматривается не как научно подтверждаемое суждение о свойствах конкретного этноса, а как религиозное самоописание, легитимирующее особый статус общины (завет с Богом) и связанные с ним нормы поведения. Показано также, что еврейская идентичность исторически складывалась на пересечении происхождения, религиозной практики, права и процедур включения в общину, прежде всего через обращение (гиюр). Современные данные популяционной генетики рассматриваются не в качестве основания для теологических или аксиологических выводов, но лишь в пределах демографической и медико-генетической проблематики.

Ключевые слова: евреи, иудаизм, этногенез, этнорелигиозная идентичность, эндогамия, смешанные браки, избранность, религиоведение.

Для цитирования: Погасий А. К. Эндогамия как механизм поддержания групповой идентичности в еврейской традиции: религиоведческий анализ // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2026. Т. 57. С. 106–116. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.57.106>

Original article

Endogamy as a Mechanism for Maintaining Group Identity in the Jewish Tradition: A Religious Studies Analysis

A. K. Pogasiy*

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract. This article presents a religious studies analysis of endogamy as a sociocultural mechanism for maintaining group identity in the Jewish tradition. The aim of the study is to determine what functions endogamy performed in the processes of Jewish ethno- and cultural genesis, and how it was related to the concept of chosenness in the Biblical, early Jewish, and Rabbinic traditions. The methodological framework comprises historical-critical analysis of Biblical texts and other sources, a comparative-historical approach, and ethnic boundary theory. The article demonstrates that endogamy in the Jewish tradition cannot be interpreted as evidence of biological exclusivity or superiority. Its primary function was to maintain the normative boundaries of the community, preserve the cult, transmit the law, collective memory, and mechanisms of social solidarity. The concept of chosenness is examined not as a scientifically verifiable claim about the properties of a particular ethnic group, but as a religious self-description that legitimizes the community's special status – its covenant with God – and the norms of conduct associated with it. The article further shows that Jewish identity was historically formed at the intersection of descent, religious practice, law, and procedures for admission into the community, most notably through conversion (*giyur*). Contemporary population genetics data are considered not as a basis for theological or axiological conclusions, but solely within the scope of demographic and medical-genetic inquiry.

Keywords: Jews, Judaism, ethnogenesis, ethno-religious identity, endogamy, mixed marriages, chosenness, religious studies.

For citation: Pogasiy A.K. Endogamy as a Mechanism for Maintaining Group Identity in the Jewish Tradition: a Religious Studies Analysis. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2026, vol. 57, pp. 106-116. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.57.106> (in Russian)

Проблема эндогамии в истории еврейских общин традиционно обсуждалась в различных плоскостях: историко-демографической, религиозно-нормативной, этнологической, а иногда и апологетической. В результате в научный оборот нередко попадали вопросы, сформулированные языком самой традиции, например о богоизбранности народа, но интерпретировались они как верифицируемое научное утверждение. Однако при анализе необходимо различать, с одной стороны, самописание общины, ее нормативные тексты и религиозные представления, а с другой – аналитические категории, при помощи которых исследователь описывает исторические процессы и социальные механизмы [5].

Современная наука так и не пришла к единому выводу в вопросах этногенеза евреев. Дискуссия разворачивается между различными моделями – от более традиционных реконструкций, предполагающих преемственность между библейским повествованием и историей, до археологически и социологически ориентированных гипотез, связывающих становление Израиля с внутренней трансформацией племен, обитавших в Ханаане, миграциями, позднейшей религиозной унификацией [5; 7; 13; 14]. Однако именно отсутствие согласия делает особенно важным отказ от сугубо биологизаторских схем. Даже если исследователь использует термин «этногенез», он не должен автоматически считать этнос замкнутой «кровной» сущностью. В случае еврейской истории речь идет, скорее, о длительном формировании этнорелигиозной общности, в которой механизмы самовоспроизводства включали не только происхождение, но и культ, закон, коллективную память, брачные нормы и институциональные формы солидарности [4].

Поэтому задача состоит не в том, чтобы ответить на метафизический вопрос об «основаниях избранности» евреев, и не в том, чтобы свести их ис-

торию к генетике, а в том, чтобы проанализировать эндогамию как один из механизмов поддержания этнорелигиозной границы. Такой подход позволяет уйти от чрезмерной теологизации темы и одновременно сохранить проблемное ядро исследования: почему именно брачные нормы играли столь важную роль в истории еврейских общин, каким образом они были связаны с процессами этногенеза и культурного воспроизводства и как менялись в разные эпохи.

В отечественной библеистике и религиоведении давно подчеркивается, что «священная история» и история как академическая дисциплина работают с одним и тем же корпусом текстов и данных, но задают к нему разные вопросы [5]. Текст Танаха в религиозной традиции является нормативным источником смысла и образцом коллективной памяти; для историка и религиоведа он одновременно выступает памятником литературы, свидетельством идеологии, инструментом легитимации и материалом для реконструкции норм и представлений [9]. Именно поэтому библейские предписания о браке нельзя читать как непосредственный срез социальной статистики. Они выражают идеальную модель общины, которая нередко расходилась с реальными практиками.

Вопрос о происхождении древнего Израиля в современной литературе обсуждается на стыке текстологии, археологии, истории Ближнего Востока и социальной антропологии. М. Нот в классической работе об истории Израиля рассматривал объединение племен и последующее государственное становление как сложный исторический процесс, не сводимый к линейному библейскому рассказу [7]. И. Финкельштейн и Н. А. Зильберман, напротив, подчеркивали значимость археологических данных и осторожность в использовании поздних библейских повествований для реконструкции раннего периода [8; 13]. Н. К. Готтвальд предложил социологическое видение раннего Израиля как сообщества, возникшего в результате внутренних преобразований ханаанского общества [14]. Для А. С. Десницкого принципиально важно то обстоятельство, что сама постановка вопроса об истоках Израиля в современной науке уже не может опираться на безусловное принятие библейской схемы, а требует согласования текстовых и внебиблейских источников [5].

Наряду с этим существенным оказался сдвиг от разговора о «еврействе» как о наследуемой сущности к анализу «еврейскости» как исторически изменчивой формы принадлежности. В известной работе Ш. Дж. Д. Коэна показано, что в античности «еврейскость» конституировалась через границы общины, формы включения и исключения, правовые режимы, практики памяти и ритуальные маркеры, а не только через идею общего происхождения [12]. Такая перспектива особенно важна для рассмотрения эндогамии: брачная норма в данном случае выступает не признаком «чистоты крови», а способом институционального оформления принадлежности.

Результативной для этой темы является и теория этнических границ Ф. Барта. В ее рамках этничность понимается не как сумма объективных культурных признаков и тем более не как биологическое единство, а как форма социальной организации различий, воспроизводимая через систему

границ, санкций и маркеров принадлежности [1]. Эндогамия в такой модели является одним из классических механизмов поддержания границы. Сходную мысль применительно к проблемам этноса, эндогамии и кровнородственных связей высказывают В. И. Бегинин и Х. Б. Тадтаев, отмечая, что брачные ограничения способны выполнять стабилизирующую функцию по отношению к группе, но сами по себе не исчерпывают природу этничности [2].

Исходя из этого, под эндогамией может пониматься не абсолютный и тотальный запрет на всякое смешение (как некий идеал), а преимущественная ориентация брачной стратегии на заключение брака внутри собственной этнорелигиозной группы, закреплённая нормой, институтами и санкциями. Такое предположение важно по двум причинам. Во-первых, оно позволяет уйти от примордиалистских представлений о «замкнутом народе». Во-вторых, оно помогает увидеть историческую изменчивость явления: в разные эпохи степень жесткости брачных правил, способы их легитимации и масштабы их соблюдения существенно различались.

В социальной антропологии эндогамия давно рассматривается как один из инструментов сохранения групповой солидарности и контроля над воспроизводством символических различий. Брак связывает не только двух индивидов, но и сети родства, наследования, статуса, ритуальной принадлежности и правового признания. Именно поэтому в обществах, где религия и коллективная идентичность тесно переплетены, семейно-брачная сфера оказывается чувствительной зоной, через которую регулируются границы допустимого и недопустимого.

Для истории еврейских общин это особенно важно. В отличие от современных (модерных) наций, которые в значительной степени связаны с территориальным государством, еврейские общины на протяжении длительных периодов существовали как рассеянные, но нормативно связанные между собой формы коллективной жизни. В них брак был не частным делом в современном либеральном смысле, а событием, имеющим общинное значение. Через него воспроизводились статусные различия, религиозная социализация детей, связь с законом и традицией, а также солидарность меньшинства в окружении доминирующей культуры.

Отсюда следует важный вывод: сама по себе брачная замкнутость не свидетельствует ни о расовой исключительности, ни о наличии некоего уникального биологического свойства группы. Эндогамия – это в первую очередь социальный механизм. Он может быть вызван религиозными предписаниями, правовыми ограничениями, давлением извне, общинным самосохранением или сочетанием всех этих факторов. В разных исторических контекстах один и тот же результат – преобладание браков внутри группы – возникает по разным причинам. В случае еврейской истории внутренние религиозные нормы постоянно взаимодействовали с внешними обстоятельствами: жизнью в среде большинства, угрозой ассимиляции, юридической дискриминацией, а иногда и прямым насилием.

Поэтому задача состоит не в том, чтобы приписать эндогамии первопричинную роль во всем еврейском историческом процессе, а в том, чтобы

проследить, как она становилась одним из элементов более широкой системы границ. Эти границы никогда не были чисто биологическими. Уже сам библейский материал свидетельствует, что принадлежность к общине могла мыслиться одновременно через происхождение, обрезание, культовую лояльность, соблюдение закона и включенность в «дом Израилев». Следовательно, эндогамия была вторичным, хотя и важным, механизмом стабилизации общины, а не ее единственным основанием.

Ключевые тексты, на которые обычно ссылаются при обсуждении еврейской эндогамии, относятся, прежде всего, к законодательным и историографическим положениям Танаха: это предписания Второзакония о браках с окружающими народами, нарративы о нарушении этих предписаний, а в наиболее концентрированном виде – реформы Ездры и Неемии. В конфессиональной традиции такие тексты прочитывались как выражение воли Бога к отделению Израиля от других народов. Для религиоведа важнее другой аспект: эти тексты создают и закрепляют нормативную модель коллективной идентичности.

Запрет на смешанные браки во Второзаконии мотивируется, прежде всего, опасностью религиозного отступления: иноплеменные жены и их семьи могут отвратить сынов Израиля от Яхве и склонить их к служению иным богам. Следовательно, исходным ядром запрета выступает не идея природного превосходства одной группы над другой, а требование культовой исключительности и верности завету. В научном языке это можно описать как защиту символического центра общины. Брачная сфера здесь выступает каналом трансляции лояльности, а не объектом биологической заботы в современном смысле.

Вместе с тем сам библейский корпус не сводится к одной линии. Повествования о патриархах и царях содержат многочисленные истории брачных союзов с иноплеменниками; книга Руфь, например, показывает возможность включения моавитянки в общину Израиля; жреческая традиция знает включение в завет не только кровных потомков патриархов, но и зависимых членов дома («купленных за серебро») при условии принятия соответствующего знака и норм. Эти колебания библейских сюжетов важны методологически: они демонстрируют, что граница общины в тексте одновременно утверждается и проблематизируется. Норма существует именно потому, что практика постоянно выходила за ее пределы.

Особое место в истории брачной регуляции занимают реформы Ездры и Неемии. Как показывает Э. М. Егизарян, историография этих реформ предлагает целый спектр объяснений – от заботы о ритуальной чистоте и борьбе с идолопоклонством до стремления укрепить самоидентификацию репатриантов, защитить земельно-правовой порядок и выстроить новую иерархию послевоенного общества [6]. В любом случае речь идет не просто о семейной этике. В V в. до н. э. брак становится узловой точкой государственного и культового строительства после вавилонского плена. Именно через него решается вопрос: кто имеет право быть признанным полноправным участником восстанавливаемой общины Иудей?

В этом смысле реформы Ездры и Неемии можно интерпретировать как попытку радикального пересмотра границы. После разрушения Храма, плена и возвращения части населения требовалось заново определить критерии принадлежности. Апелляция к запрету смешанных браков позволяла одновременно маркировать «своих» и «чужих», дисциплинировать внутреннее пространство общины и сакрализовать процесс ее консолидации. Жесткость мер, описанных в библейском тексте, указывает на кризисный характер ситуации: чем сильнее угроза размывания границы, тем интенсивнее нормотворческое давление.

Для религиозоведческого анализа принципиально важно, что эти тексты нельзя превращать в основание для рассуждений о «кровной избранности». Напротив, сами они показывают, что граница общины строится через правовой, культовый и символический порядок. Если бы принадлежность к Израилю понималась исключительно как биологическая данность, потребность в столь детально прописанных запретах и процедурах отделения была бы значительно меньше. Следовательно, эндогамная норма в библейской традиции имеет, прежде всего, социально-регулятивную функцию.

Обращение к проблеме этногенеза позволяет точнее понять место эндогамии в ранней еврейской истории. В науке давно показано, что происхождение древнего Израиля не может быть описано как простое и непрерывное воспроизводство замкнутой группы, изначально изолированной от окружающего населения [5; 7; 13; 14]. Археологические и исторические реконструкции свидетельствуют о сложном взаимодействии между местным хананским окружением, миграциями, политическими коалициями и постепенно оформлявшейся общностью культа и закона. Поэтому представление о том, что еврейская история с самого начала строилась на принципе абсолютной эндогамии, несостоятельно.

Скорее, следует говорить об обратном: эндогамия усиливается тогда, когда сама община уже в значительной степени сформирована и нуждается в поддержании своих границ. Иными словами, на ранних стадиях этногенеза решающими оказываются процессы интеграции, а не изоляции. Включение различных групп в общую традицию, формирование памяти о происхождении, выработка единого сакрального центра и нормативного корпуса создают основу для последующего ужесточения брачных норм. Эндогамия здесь не источник общности, а один из ее позднейших стабилизаторов.

Этот вывод особенно важен для снятия соблазна биологического объяснения. Если еврейская общность складывалась исторически из множества взаимодействующих компонентов, то дальнейшая брачная политика должна рассматриваться как механизм культурной и правовой консолидации, а не как охрана некой неизменной «субстанции». Такую позицию косвенно подтверждает и сама динамика библейского материала: тексты памяти о предках и исходе создают общую историю, тексты закона оформляют нормативную рамку, а позднейшие нарративы о смешанных браках и «чуждых женах» уже работают на поддержание границ внутри сложившейся традиции.

Следовательно, проблема эндогамии не должна подменять собой вопрос о происхождении евреев. Для религиоведения продуктивнее говорить не о «чистом моногенезе» и не о «полигенезе» как противоположных догмах, а о поэтапном формировании этнорелигиозной общности, в которой происхождение, вера, право и память были тесно переплетены. В такой рамке брачные нормы выступают частью культурогенеза: они не просто регулируют семейную жизнь, но и участвуют в производстве самой коллективной идентичности.

Если в послевоенную эпоху эндогамия была тесно связана с вопросом о восстановлении и охране культовой общины, то в диаспоре она приобретает дополнительные функции. С исчезновением политической самостоятельности и рассеянием еврейские общины оказались в ситуации, где воспроизводство идентичности зависело от более сложного набора институтов: синагоги, школы, раввинского суда, благотворительных структур, внутреннего права, обрядового календаря и семейного уклада. Брак в этом контексте становился важнейшей точкой сопряжения частной и общинной жизни.

Сало Барон, анализируя историю еврейской диаспоры, показывал, что устойчивость еврейских общин в Средневековье объяснялась не каким-либо одним фактором, а способностью сочетать религиозную нормативность, экономическую адаптацию и развитые формы внутренней организации [10]. Именно в этой институциональной структуре эндогамия получала длительную социальную опору. Она воспроизводилась не только через запретительные меры, но и через систему брачных контрактов, общинное признание брака, контроль за семейным правом и религиозной социализацией детей. Таким образом, брачная норма была встроена в повседневную инфраструктуру общины.

Важно, однако, отметить, что диаспоральная эндогамия не означала изоляции от внешнего мира в культурном смысле. История еврейских общин показывает постоянное освоение языков, хозяйственных практик, правовых режимов и интеллектуальных традиций окружающих обществ. Сохранялась не непроницаемость, а в какой-то степени управляемая проницаемость границы: возможно активное участие в жизни внешнего общества при одновременном сохранении собственных нормативных институтов. Именно поэтому понятие этнорелигиозной границы оказывается здесь точнее, чем представление об абсолютной этнической замкнутости.

Показателен и материал поздней имперской России. Исследования Е. М. Главацкой и Е. А. Заболотных на материалах еврейской религиозной общины Екатеринбурга демонстрируют, что даже за пределами черты оседлости община стремилась поддерживать институционально оформленный религиозный брак как средство сохранения идентичности [3; 4]. Брачная практика в этом случае выступала не архаичным пережитком, а механизмом самосохранения меньшинства в условиях миграции, правовых ограничений и рассеяния. Иначе говоря, эндогамия продолжала выполнять функцию культурного воспроизводства, но делала это уже не в логике древнего храмового общества, а в логике модернизирующейся диаспоры.

Материалы по истории еврейских общин в России позволяют увидеть еще одно важное обстоятельство. Эндогамия редко бывает результатом исключительно внутреннего выбора группы, нередко она усиливается внешними режимами сегрегации. Ограничения на проживание, конфессиональные барьеры, образовательные и правовые цензы объективно сужали поле брачных стратегий. Поэтому в научном анализе недопустимо рассматривать еврейскую брачную замкнутость как только самопорожденную культурную аномалию. Она складывалась на пересечении внутренней религиозной нормы и внешнего давления.

Одна из причин, по которой тема эндогамии время от времени уходит в ненаучную плоскость, связана с соблазном объяснять историю общины преимущественно через генетику. Действительно, популяционная генетика может выявлять эффекты основателя¹, участки пониженного разнообразия и повышенную частоту некоторых наследственных заболеваний в тех или иных замкнутых популяциях. Однако перенос этих данных в сферу оценочных суждений о «сущности» народа методологически неправилен.

Примечательно исследование С. Брейс и соавторов, посвященное средневековому захоронению в Норидже. Авторы показали, что у изученных индивидов, генетически близких современным ашкеназским евреям, уже в XII в. фиксировались варианты, позднее ассоциированные с некоторыми наследственными заболеваниями, что указывает на более раннее формирование части эффектов основателя, чем предполагалось ранее [11]. Для историка и религиоведа значение этих данных ограничено. Они позволяют уточнять демографическую историю отдельных диаспоральных групп, но ничего не говорят о богоизбранности, превосходстве или, напротив, неполноценности народа.

Более того, сами генетические данные относятся, прежде всего, к конкретным субпопуляциям и конкретным историческим условиям. Нельзя механически переносить выводы об ашкеназах Средневековья на всех евреев всех эпох, тем более на древний Израиль. Между древнеизраильской историей, позднеантичной Иудеей, средневековыми ашкеназами, сефардами, восточными и горскими евреями лежат огромные временные, географические и социокультурные различия. Следовательно, генетический язык уместен только в пределах собственной дисциплины и лишь в качестве одного из источников для реконструкции демографических процессов.

Поэтому корректное использование генетических данных в гуманитарном исследовании должно быть минималистичным и оговоренным. Они могут подтверждать факт демографической замкнутости некоторых групп, но не дают основания для онтологизации этой замкнутости. С научной точки зрения именно здесь проходит граница между описанием и идеологизацией: исследователь вправе говорить об эффекте основателя, частоте мутаций или родственности популяций, но не вправе выводить из этого ценностные иерархии народов или метафизические тезисы.

¹ Эффект основателя – явление в популяционной генетике, при котором новая, изолированная популяция формируется малым числом особей («основателей»). С эффектом основателя может быть связана высокая частота редких заболеваний в определенных регионах или этносах.

Сама постановка вопроса о том, на каких физических или духовных основаниях одному народу может быть приписана богоизбранность, выводит исследование за пределы религиоведения и переводит его либо в плоскость конфессиональной апологетики, либо в недопустимую зону этнической иерархизации. Поэтому в научном тексте понятие «избранность» должно использоваться только как эмическое², т. е. внутреннее для традиции, понятие.

В иудаизме идея избранного народа имеет, прежде всего, заветный и нормативный смысл: она описывает особое отношение между Богом, Израилем, законом и исторической памятью. В научном анализе эта идея может быть предметом исследования: например, как способ сакрализации общины, легитимации норм, описания коллективной миссии или переживания исторической исключительности. Но исследователь не может превращать ее в собственную объяснительную категорию. Иначе говоря, религиоведение изучает, как община понимает свою избранность и какие социальные следствия это имеет, но не решает вопрос о том, истинна ли эта избранность и не основана ли она на особых природных качествах [4; 5].

С этой точки зрения эндогамия и избранность соотносятся не как «биологическая причина» и «метафизическое следствие», а как два элемента одного нормативно-символического комплекса. Представление о заветной исключительности общины усиливает стремление к брачной саморегуляции; брачная саморегуляция, в свою очередь, делает видимой границу этой общины. Но ни один из этих элементов не должен интерпретироваться как доказательство превосходства группы. Для науки здесь значимы не ценностные оценки, а механизмы производства идентичности.

Поэтому корректнее говорить не о том, вечно ли предписание эндогамии и почему оно было установлено Богом, а о том, как менялось место брачной нормы в исторически различных формах еврейской общности. В древнем Израиле она была тесно связана с централизацией культа и борьбой с религиозным синкретизмом; в послевоенную эпоху – с восстановлением общины; в диаспоре – с ее институциональным выживанием; в современную эпоху – с ответом на секуляризацию, гражданскую эмансипацию и рост смешанных браков. Именно такая позиция стоит в основе настоящего анализа, что позволяет подойти к определенным выводам:

1. Проблема эндогамии в истории евреев должна рассматриваться не как вопрос о природной исключительности народа, а как вопрос о механизмах формирования и поддержания этнорелигиозной границы. Современная наука не подтверждает представление о древнем Израиле или последующих еврейских общинах как о биологически замкнутой и неизменной группе. Напротив, материалы по этногенезу указывают на сложный и многосоставный характер формирования этой общности [5; 7; 13; 14].

2. Библейские запреты на смешанные браки имеют, прежде всего, нормативно-культовый и социально-политический смысл. Они направлены на

² Эмический – подход к изучению культуры, языка или поведения «изнутри», с позиции носителей этой культуры, с учетом их собственного понимания и интерпретации событий.

сохранение коллективной лояльности, разграничение «своих» и «чужих», дисциплинирование общины и сакрализацию ее границ. Наиболее отчетливо эта функция проявилась в эпоху Ездры и Неемии, когда брачная регуляция стала инструментом послевоенного восстановления иудейской общины [6].

3. В диаспоре эндогамия превратилась в один из механизмов культурного воспроизводства и институционального самосохранения. Ее устойчивость объясняется не только религиозной нормой, но и деятельностью общинных институтов, правовым положением меньшинства, миграционными условиями и внешними ограничениями [3; 4; 10]. Следовательно, речь идет о сложном взаимодействии внутренних и внешних факторов.

4. Данные генетики допустимы в исследовании как вспомогательный материал для реконструкции демографической истории отдельных групп. Они не могут использоваться для доказательства этнического превосходства, биологической избранности или каких-либо иных нормативных тезисов [11].

Таким образом, в рамках религиоведения понятие «избранность» должно сохранять статус этической категории, тогда как аналитический язык исследования обязан описывать исторические процессы – этногенез, брачные режимы, общинные институты и символические границы. В этой перспективе эндогамия предстает не сущностным свойством еврейства и не универсальным ключом к его истории, а одним из исторически изменчивых механизмов воспроизводства этнорелигиозной идентичности.

Список литературы

1. *Барт Ф.* (ред.) Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М. : Нов. изд-во, 2006. 200 с.
2. *Бегинин В. И., Тадтаев Х. Б.* Этнос, эндогамия, кровнородственные связи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 269–273.
3. *Главацкая Е. М., Заболотных Е. А.* Еврейская религиозная община Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX в.: численность и институты // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 4 (169). С. 206–221.
4. *Главацкая Е. М., Заболотных Е. А.* «...По закону Моисея и Израиля»: брак за чертой оседлости (по материалам еврейской религиозной общины Екатеринбурга) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2018. Т. 20, № 4 (181). С. 9–26.
5. *Десницкий А. С.* История Древнего Израиля как современная проблема // Ориенталистика. 2019. Т. 2, № 1. С. 134–149.
6. *Егизарян Э. М.* Смешанные браки: историографический обзор вопроса о разводах в провинции Иудея времени Ездры и Неемии // Via in Tempore. История. Политология. 2023. Т. 50, № 4. С. 847–859.
7. *Нот М.* История Древнего Израиля. СПб. : Изд-во Дмитрия Булавина, 2014. 496 с.
8. *Райт Дж. Э.* Библейская археология. СПб. : Библиополис, 2003. 456 с.
9. *Шифман И. Ш.* Ветхий Завет и его мир. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 213 с.
10. *Барон С. У.* Социальная и религиозная история евреев. Том III Раннее средневековье (500–1200): наследники Рима и Персии. М. : Книжники, 2014. 368 с.
11. Genomes from a medieval mass burial show Ashkenazi-associated hereditary diseases pre-date the 12th century / S. Brace [et al.] // Current Biology. 2022. Vol. 32, no. 20. P. 4350–4359.
12. *Cohen S. J. D.* The Beginnings of Jewishness: Boundaries, Varieties, Uncertainties. Berkeley : University of California Press, 1999. 427 p.
13. *Finkelstein I., Silberman N. A.* The Bible Unearthed: Archaeology's New Vision of Ancient Israel and the Origin of Its Sacred Texts. New York : Free Press, 2001. 385 p.

14. Gottwald N. K. The Tribes of Yahweh: A Sociology of the Religion of Liberated Israel, 1250–1050 BCE. Sheffield : Sheffield Academic Press, 1999. 968 p.

References

1. Bart F. (ed.) *Etnicheskie gruppy i sotsialnye granitsy. Sotsialnaya organizatsiya kulturnykh razlichii* [Ethnic groups and social boundaries. The social organization of cultural differences]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2006, 200 p. (in Russian)
2. Beginin V.I., Tadtayev Kh.B. Etnos, endogamiya, krovorodstvennye svyazi [Ethnos, endogamy, consanguineous ties]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 2016, vol. 16, iss. 3, pp. 269-273. (in Russian)
3. Glavatskaya E.M., Zabolotnykh E.A. *Evreiskaya religioznaya obshchina Ekaterinburga vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: chislennost i instituty* [Jewish religious community of Yekaterinburg in the second half of the 19th – early 20th century: number and institutions]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2 Gumanitarnye nauki*, 2017, vol. 19, no. 4 (169), pp. 206-221. (in Russian)
4. Glavatskaya E.M., Zabolotnykh E.A. "...Po zakonu Moiseya i Izrailya": brak za chertoi osedlosti (po materialam evreiskoi religioznoi obshchiny Ekaterinburga) [..."According to the law of Moses and Israel": marriage beyond the Pale of Settlement (based on materials of the Jewish religious community of Yekaterinburg)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2 Gumanitarnye nauki*, 2018, vol. 20, no. 4 (181), pp. 9-26. (in Russian)
5. Desnitskii A.S. Istoriya Drevnego Izrailya kak sovremennaya problema [The history of Ancient Israel as a modern problem]. *Orientalistika*, 2019, vol. 2, no. 1, pp. 134-149. (in Russian)
6. Egizaryan E.M. Smeshannye braki: istoriograficheskii obzor voprosa o razvodakh v provintsii Iudeya vremeni Ezdry i Neemii [Mixed marriages: historiographical review of the issue of divorces in the province of Judea in the time of Ezra and Nehemiah]. *Via in Tempore. Istoriya. Politologiya*, 2023, vol. 50, no. 4, pp. 847-859. (in Russian)
7. Not M. *Istoriya Drevnego Izrailya* [History of Ancient Israel]. St. Petersburg, Dmitrii Bulavin Publ., 2014, 496 p. (in Russian)
8. Rait Dzh.E. *Bibleiskaya arkheologiya* [Biblical archaeology]. St. Petersburg, Bibliopolis Publ., 2003, 456 p. (in Russian)
9. Shifman I.Sh. *Vetkhii Zavet i ego mir* [The Old Testament and its world]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2007, 213 p. (in Russian)
10. Baron S.U. *Sotsialnaya i religioznaya istoriya evreev. T. 3. Rannee srednevekov'e (500-1200): nasledniki Rima i Persii* [Social and religious history of the Jews. Vol. 3. Early Middle Ages (500-1200): heirs of Rome and Persia]. Moscow, Knizhniki Publ., 2014, 368 p. (in Russian)
11. Brace S. et al. Genomes from a medieval mass burial show Ashkenazi-associated hereditary diseases pre-date the 12th century. *Current Biology*, 2022., vol. 32, no. 20, pp. 4350-4359.
12. Cohen S.J.D. *The Beginnings of Jewishness: Boundaries, Varieties, Uncertainties*. Berkeley, University of California Press, 1999, 427 p.
13. Finkelstein I., Silberman N.A. *The Bible Unearthed: Archaeology's New Vision of Ancient Israel and the Origin of Its Sacred Texts*. New York, Free Press, 2001, 385 p.
14. Gottwald N.K. The Tribes of Yahweh: A Sociology of the Religion of Liberated Israel, 1250–1050 BCE. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1999, 968 p.

Сведения об авторе

Погасий Анатолий Кириллович
доктор философских наук, профессор,
кафедра религиоведения
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Российская Федерация, г. Казань,
ул. Кремлевская, 35
e-mail: kasan_prihod@mail.ru
ORCID 0000-0002-6144-4321

Information about the author

Pogasiy Anatoly Kirillovich
Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Religious Studies
Kazan (Volga Region) Federal University
35, Kremlevskaya st., Kazan, 420008,
Russian Federation
e-mail: kasan_prihod@mail.ru
ORCID 0000-0002-6144-4321

Статья поступила в редакцию 18.01.2026; одобрена после рецензирования 21.04.2026; принята к публикации 19.06.2026
The article was submitted January, 18, 2026; approved after reviewing April, 21, 2026; accepted for publication June, 19, 2026